

хами... Я хочу, чтобы мы любили Россию так, как вы любите Армению.

Он был восхищен армянскими дорогами. Он говорил, что многие деревенские беды от бездорожья.

— У вас научитесь бы строить дороги...

Так говорил Абрамов в Ереване, а потом о том же написал в рецензии на книгу Сильвы Капутикян «Меридианы карты и души»: «Предметом особой зависти для меня, россиянина, выросшего в краю невероятных просторов и бездорожья, стали армянские дороги... Да о многих, о многих насущных нуждах русской земли думалось мне в бытность мою в Армении».

Интересовал Абрамова роман основоположника новой армянской литературы Хачатура Абовяна «Раны Армении».

— «Раны Армении», «Раны Армении», — повторял он и говорил, что это надо прочитать. И еще он хотел иметь антологию В. Брюсова «Поэзия Армении».

В

ОКТАБРЕ 1978 года пришло от Абрамова коротенькое письмо. Он сообщает, что получил посланные мною книги. «Привет и поклоны удивительной стране Армении и ее людям», — писал он.

Тогда же Абрамов прислал мне свой сборник повестей и рассказов «Деревянные кони», а Людмила Владимировна — том прозы Бунина с предисловием, написанным ею.

«Деревянные кони» тронули меня суровой открытостью и мужественной мягкостью разговора, сочувствием ко всему тому, чем живут люди, что их заботит.

В образе старой Мелентьевны, трудящейся русской женщины (повесть «Деревянные кони», по которой названа вся книга), я узнал и свою маму, вечную труженицу. (Маме пошел 77-й год, а она все еще работает, шьет. Прошлой зимой я поехал к ней в Батуми, «Не знаю, — размышляла она, — то ли я постарела, то ли зима суровая, но что-то работы маловато».)

Жизнь большинства матерей, как и жизнь Мелентьевны, — это подвиг труда и самопожертвования. Таких женщин-матерей, как Мелентьевна, надо бы причислять к лику святых. Это они сохраняют народ живым и здравствующим.

Абрамов во многих своих книгах писал о людях, на которых держится жизнь. Он (вспомним притчу «Листы и корни») любил писать о корнях жизни. Поэтому так органичен, так естествен язык его прозы, народный, или, как он говорил, корневой.

Языком народным, разговорным, с некоторым налетом диалектной лексики и диалектного синтаксиса, писать трудно. Чтобы такой язык не выглядел приемом, одной лишь внешней формой, надо войти в самую гущу народной жизни, поднять глубинные пласты народного быта, бытия. Абрамову это всегда удавалось. Кроме того, разговорная, даже диалектная характеристика языка героев Абрамова чиста, прозрачна и для понимания не представляет трудностей. Он шел путем, которым идет живой, развивающийся язык.

Еще будучи в Ереване, Абрамов говорил, что лучшей его книга — это роман «Дом», печатание которого задерживается. Когда же в декабре 1978 года я вернулся в Москву из поездки в Софию и встретил Федора Абрамова, то оказалось, что он приехал из Ленинграда дочитывать корректуру романа «Дом», который готовился в «Новом мире».

Мы с Абрамовым договорились вместе завтракать — благо, жили в одной гостинице. Два или три дня мы встречались по утрам в гостиничном ресторане. Оказалось, однако, что Абрамову стоило немалых трудов утром в назначенное время быть в ресторане. Жил он в номере один, просил, чтобы по утрам будила его дежурная по этажу, и все равно плохо спал, все беспокоился, что опоздает на завтрак и заставит меня ждать его. Оказалось, что он если договаривается с кем о встрече, то всегда так — нервничает.

За завтраком Абрамов говорил о романе «Дом», о том, как он идет в журнале. Он очень дорожил этим своим романом и очень ждал его появления в печати. Вспоминания Абрамов Армению, спрашивал о жизни армянской колонии в Болгарии...

«Дом», прочитанный мною в середине 1979 года, взволновал меня. Я написал Абрамову письмо. В шестом номере «Литературного обозрения» за 1986 год была опубликована большая подборка писем о романе «Дом». Среди других откликов напечатано и мое письмо от 16 июля 1979 года:

«Дорогой Федор Александрович!

Только сейчас прочел Ваш «Дом». Все это время читал другие, нужные для работы книги, Ужасно все-таки, что для филолога чтение — это работа. Ваш «Дом» читал для себя, не для дела — такая благодать. Роман у Вас получился крепкий, по силе и манере письма — классический. В «Доме» — все современное русское крестьянство (и не только русское), вся боль земли и все то безумие, в которое мы ввергли людей и землю из самых высоких побуждений. Боль ищет и находит

самых лучших. Лиза Пряслина хоть и сестра, но всем она мать. И Михаилу она как мать. Лиза, она главный в «Доме» человек и наиболее замученный человек (как и земля, на которой живет).

Резкость Михаила, его неуживчивость — от сознания того, что так сильны на земле Таборские. Эти живут безнаказанно. Старый хороший афоризм «Кто не работает, тот не ест» теперь звучит по-другому: «...тот жрет». И сколько их развелось теперь, не работающих, жрущих, хватающих...

Надо в «Доме» навести порядок. Вы об этом кричите. «Раньше людей работа мучила, а теперь люди работу мучают».

Григорий — немножко князь Мышкин. Не в смысле литературного влияния, нет, а как совесть. Отсюда его болезненность и ранимость, он от ранимости такой болезненный.

Это свойство совести — ранимость.

И еще о классике. Сравните даже не по мысли, по интонации: «Ничего нового для Петра в этих кипениях, пожалуй, не было. Где теперь не говорят об этом! Вся Россия «сплошная политбеседа» («Дом»); «Вся молодая Россия только лишь о вековечных вопросах теперь толкует», — говорит Иван («Братья Карамазовы»). Здесь преемственность не литературная, конечно, — такова Россия и таков русский человек. «Что такое человек? Что мы за люди?» — спрашиваете Вы всем Вашим «Домом». И, может, действительно мы поймем, что мы такое, и станем лучше.

Поразили меня Калина Иванович и Евдокия-великомученица. И весь этот агриграфический стиль письма. Действительно, ведь это подвижники, святой народ, коммунисты. Я, кажется, теперь понял Блока: «Вперед — Иисус Христос». Гений интуитивно постиг то, что сейчас мы начинаем понимать.

Ваших героев я воспринимаю как людей, которых знал, Герои — главные и стоящие поодаль (Федор, Таня и ее московская семья) — написаны крупно и ярко. «Дом» — целая страна. Мне близок учительский тон книги («Мы не судьи тебе, сестра, а братья»). Поздравляю Вас с удачей».

«**Д**ОМ» еще больше нас сблизил.

Летом 1981 года мы встретились на VII съезде писателей СССР в Большом Кремлевском дворце.

Много было на съезде интересного, такого, что стоило запомнить. Но больше всего взволновали делегатов съезда выступления Чингиза Айтматова и Федора Абрамова. Выступал Абрамов 2 июля. Сам с виду маленький, а голос крепкий и громкий, уверенный. И вот он уже и не щуплый, и не маленький. Речь твердая, глубокая. Логические ударения подчеркивает интонационно, но самые важные слова выделяет еще и тем, что указательный палец поднятой правой руки стремительно опускает вниз на нужное слово.

— Пушкин — отец наших душ, — говорит он. Слово «отец» выделяет голосом и жестом. Указательный палец как бы придерживает, останавливает на какое-то мгновение движущееся слово.

Абрамов призывал к гражданской, политической активности и высмеивал разного рода перестраховщиков:

— Это сгущение красок, это очернительство, это снижение героического... — предрекает он перестраховщиков. При этом руки с широко растопыренными пальцами подняты вверх и обращены ладонями к залу. Абрамов изображает перестраховщиков, показывает, как они прятуют свои лица за растопыренными пальцами, отмежевываясь от писателя, от живого, пугающего их слова.

— Мы не имеем права замалчивать, упрощать все сложности и трудности нашего исторического пути. Не объясним мы — объяснят другие, только объяснят по-своему. Мы не скажем своим голосом всей правды, скажут другие «голоса», только скажут по-своему, — волнуется Абрамов.

Выступление Абрамова на съезде было полностью опубликовано. Но многие делегаты хотели иметь сразу же текст его речи — в день, когда она была произнесена. Абрамов подарил мне машинописный экземпляр выступления, озаглавленного от руки «Слово в ядерный век». Так Абрамов обозначил тему. Он верил в силу слова и призывал в наше ответственное, ядерное время относиться к сказанному серьезно.

— Слово всегда было путеводной звездой человечества. В слове сокрыта самая великая энергия, известная на Земле, — энергия человеческого духа, — говорил Абрамов.

Моя встреча с ним на писательском съезде была последней. Сейчас я думаю о том, что в этом человеке — и в живом, до боли правдивом его слове — всегда была заключена великая энергия человеческого духа.

Для писателя — это главное.

ЕРЕВАН